

ЭТНОКУЛЬТУРА, ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ
И МИРОВИДЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ

ETHNOCULTURE, COMMUNICATION
AND THE WORLD VIEW OF OLD BELIEVERS

УДК 281.93-3:008

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-172-178

**К ПРОБЛЕМЕ КОЛЛИЗИИ УСТНОГО
И ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСОВ В КУЛЬТУРЕ
РАННЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА**

© **Сазонова Наталия Ивановна**

доктор философских наук, кандидат исторических наук,
Томский государственный педагогический университет
Россия, г. Томск
nataly-sib@mail.ru

В статье рассматривается соотношение письменного и устного дискурсов в сознании верующих периода литургической реформы патриарха Никона и лидеров раннего старообрядчества. Анализируется роль устного и письменного слова в культуре России XVII в. и в богослужебной практике, история формирования представлений о приоритете письменного дискурса в культуре. На примере деятельности лидеров старообрядчества и полемики вокруг литургической реформы патриарха Никона выявляются отношение старообрядцев и реформаторов к письменному богослужебному тексту и причины его центральной роли в богословской полемике. Делается вывод об объективных процессах обмирщения культуры России 2-й половины XVII в., затрагивавших церковь в целом и проявившихся в росте роли письменного текста, который начинает отождествляться с богослужением. При этом в раннем старообрядчестве продолжает сохраняться понимание роли устных элементов богослужебного текста, тогда как реформаторы часто рассматривают богослужебный текст в качестве набора языковых знаков, не уделяя внимания его употреблению в богослужении и сакральному содержанию.

Ключевые слова: устный дискурс, письменный дискурс, богослужебный текст, богослужение, десакрализация, старообрядчество, литургическая реформа патриарха Никона, «кружок боголюбцев», Аввакум, Никита Добрынин, Феодор Иванов, Лазарь Романовский.

ON THE PROBLEM OF COLLISION BETWEEN ORAL
AND WRITTEN DISCOURSES IN THE CULTURE OF THE EARLY OLD BELIEVERS

Natalia I. Sazonova
Dr. Sci. (Philosophy), A/Prof.,
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia
nataly-sib@mail.ru

The article analyzes the ratio of written and oral discourses in the minds of believers of the period of the liturgical reform of Patriarch Nikon and the leaders of the early old believers. The article analyzes the role of oral and written text in the culture of Russia in the XVII century and in liturgical practice, the history of the formation of ideas about the priority of written discourse in culture. On the example of the leaders of the old believers, and controversy about the liturgical reforms of Patriarch Nikon reveals the attitude of believers and reformers and the reasons for the Central role of written text in theological controversy. The conclusion is made about the objective processes of secularization of the culture of Russia in the second half of the XVII century, which affected the Church as a whole and were manifested in the growth of the role of the written text, which begins to be identified with the worship. In the early old believers, the understanding of the role of oral elements of the liturgical text continues to be preserved. The Reformers often consider the liturgical text as a set of language signs, without paying attention to its use in worship and sacred content.

Keywords: oral discourse, written discourse, liturgical text, worship, desacralization, old believers, liturgical reform of Patriarch Nikon, "circle of God-lovers", Avvakum, Nikita Dobrynin, Feodor Ivanov, Lazar Romanovsky

Вопрос соотношения и различий устного и письменного дискурсов, их культурной специфики достаточно давно является предметом внимания исследователей [Маклюэн 2004; Чейф 2009]. Особый интерес представляют процессы взаимодействия и взаимовлияния двух типов дискурса в переломные моменты развития культуры. В России одним из таких моментов является раскол Русской церкви в XVII в., повлекший за собой раскол общества и серьезные изменения в области ментальности, системы ценностей. При этом пристальное внимание привлекает тот факт, что в центре полемики, возникшей вокруг литургической реформы патриарха Никона (1653–1666 гг.), оказался письменный текст богослужебных книг. Его «справе», проведенной реформаторами, посвящено значительное число полемических сочинений первых старообрядцев, в частности челобитные священников Никиты Добрынина, Лазаря Романовского, диакона Феодора Иванова, инока Авраамия [Суздальского соборного... 1878; Романо-Борисоглебского... 1878; Федор, диакон; Авраамий] и др.

Вместе с тем, при сосредоточенности полемистов, в особенности противников никоновской реформы, на «исправлении» письменного текста его реальное место в богослужении является достаточно скромным. Структурно православное богослужение представляет собой синтез множества элементов, среди которых архитектура храма, визуальные образы, богослужебные действия и, наконец, словесный текст. Этот текст, однако, в реальной богослужебной практике представлен не столько в письменной (в виде богослужебных книг), сколько в устной форме, как слова, произносимые во время службы. Именно в виде устного, произносимого вслух богослужебный текст воспринимается верующими. Тот же дискурс обеспечивает активность верующего в восприятии «божественной службы»: ведь, в отличие от дискурса письменного, устное слово предполагает немедленную реакцию слушающего, так как порождение и понимание текста синхронизированы [Чейф 2009]. Таким образом, очевидно, что письменный текст богослужения играет в его системе подчиненную и вспомогательную роль. Однако именно его «исправление» вызывало жесткую реакцию значительной части церкви и породило раскол. Как же соотносятся в сознании верующих XVII в.

письменная и устная формы богослужебного текста и почему именно письменный текст получил столь существенное значение в полемической литературе?

Говоря о культурных процессах, приведших в XVII столетии к своего рода абсолютизации значения письменного текста, стоит отметить, что представление о его высокой значимости формируется еще со времен Крещения Руси, когда новая религия, христианство, была воспринята, прежде всего, через книги. Летописец отмечает, что князь Владимир, креститель Руси, наряду со строительством храмов основывал также школы и распространял «учение книжное». По словам автора «Повести временных лет», «сбыться пророчество на Руской земле, глаголющее: «Вь оны дни услышать глусии словеса книжная, ясны <так в тексте!> будеть языкъ гугнивыхъ» [Повесть 1997: 162]. Для Руси характерна сакрализация записанных текстов, вплоть до созданного св. Кириллом алфавита. Так, согласно «Житию св. Кирилла и Мефодия», Константину Философу были дарованы письмена после усердной молитвы: «Шед же Философ, по първому обычаю на молитву ся наложи и с инеми поспешники. Вскоре же ся ему Бог яви, послушайа молитвы своих раб. И тыгда сложи писмена...» [Житие 1999: 54]. При этом элементы язычества, такие как сказки, загадки, бытовали исключительно в устной форме и не записывались.

Но, несмотря на декларированный приоритет письменного текста, в реальности устный дискурс достаточно долгое время играл существенно более значительную роль. Культура с преобладанием устного дискурса имеет серьезные отличия от «письменной» культуры. М. Маклюэн приводит красноречивый пример современной такой культуры — культуры Африки. Так, воспринимая кинофильм, «африканская аудитория не может сидеть спокойно, не пытаясь как-то участвовать в происходящем... Например, в ситуации, когда персонаж поет песню, для аудитории это становится приглашением к тому, чтобы ее подхватить...» [Маклюэн 2004: 57–58], поскольку люди привыкли к живой и непосредственной коммуникации с автором, которую всегда предполагает устный текст. Подобные черты проявлялись и в культуре России, находя отражение в т. ч. в богослужебной практике.

В частности, характерная для культуры устного слова привычка к непосредственной реакции на любое событие, описанное в тексте, породила феномен богослужебного действия. Действа представляли события Священной истории, Евангельские события буквально «в лицах». Среди них — Шествие на осляти, совершаемое патриархом в праздник Входа Господня в Иерусалим, «Пещное действо», ветхозаветная история о трех отроках, брошенных в печь Вавилонским царем Навуходоносором, Чин умовения ног в Великий Четверг и многие другие (подробнее см.: [Сазонова 2015, 2016]). Все эти действа обеспечивали непосредственное участие верующих, склонных к активному переживанию богослужения.

Вместе с тем заявленный (хотя и трудно реализуемый) приоритет письменного текста со временем начинает также пробивать себе дорогу. Материалы Стоглавого собора (1551) содержат упоминания о неграмотности церковных клириков, часто совершавших богослужения по памяти, не знающих письменных богослужебных текстов, при этом невладение письменным дискурсом оценивается негативно: «Когда святители спрашивают священников, почему они мало грамоте умеют, они отвечают: мы де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде нам учиться негде; сколько отцы наши и мастера умеют, по тому и нас учат. А отцы и мастера их и

сами потому же мало умеют, и силы в божественном писании не знают, а учит(ь)ся им негде» [Стоглав 1862: 120]. Несмотря на то что в следующем, XVII столетии ситуация мало изменилась, работа над «проблемой» преобладания устного дискурса продолжается. Вкладом в ее решение была и деятельность будущих старообрядцев, членов кружка «боголюбцев», которые незадолго до богослужебной реформы инициировали выход из печати ряда богослужебных и святоотеческих текстов. В 40-е гг. XVII в. при их участии изданы Московским печатным двором поучения св. Ефрема Сирина, «Книга о вере», «Собрание краткое науки об артикулах веры», ряд богослужебных книг [Румянцева 1975].

Известно, что члены кружка отличались не только грамотностью, но и богословской начитанностью. Из сочинений протопопа Аввакума явствует его глубокое знакомство со святоотеческими творениями и библейскими текстами, например с произведениями Дионисия Ареопагита [Житие 1991: 37–38], Василия Великого, с Евангелием, Апостолом [Аввакум 1927: стб. 581–582, 589]. Священник Никита Добрынин был автором челобитной царю Алексею Михайловичу, содержащей как богословскую полемику с реформой, так и сравнительный текстологический анализ дореформенных и послереформенных богослужебных текстов [Суздальского... 1878]. Диакон Федор часто ссылается на сочинения Максима Грека, св. Евфросина, других авторов, а также на богослужебные книги, изданные до реформы, текст которых цитирует по памяти [Федор, диакон]. Таким образом, «боголюбцы», будущие лидеры старообрядчества, являлись носителями культурной тенденции, направленной на формирование приоритета письменного слова.

Но это, в свою очередь, означает, что в их деятельности должны были проявиться и проблемы, возникающие при культурном преобладании письменного дискурса. Основной и наиболее серьезной из них является дистанция между адресантом и адресатом текста, которые могут отстоять друг от друга во времени и пространстве. Их коммуникация уже не является столь живой и непосредственной, как при устном дискурсе, что имеет существенное значение, если речь идет о религиозной жизни. Да и сам письменный текст, по словам М. Маклюэна [2004], — своего рода отстраненный от читателя визуальный феномен, тогда как устный текст непосредственно входит в жизнь человека, меняет ее, требует реакции. Напротив, в письменном тексте слова «почти полностью утрачивают элемент личной обращенности, так как слышимое слово обычно направлено на тебя, в то время как видимое слово этого лишено и может быть прочитано так или иначе, по желанию. Они теряют... эмоциональные обертоны... Таким образом, слова, становясь видимыми, присоединяются к миру индифферентному по отношению к зрителю, миру, из которого магическая сила слова была исключена» [Маклюэн 2004: 29–30]. Если же речь идет о сакральном содержании, новые тенденции, естественно, ведут к постепенной десакрализации.

Ярким примером в этом плане является инициированное членами кружка священниками Иоанном Нероновым и Аввакумом введение в богослужебную практику проповедей [Житие 1991: 36]. С одной стороны, проповедь, обращенная с церковного амвона к верующим, имеет просветительское значение, что и предполагали священники. Вместе с тем, обращение с амвона к верующим как бы разрывает «ткань» богослужебного чина, внося в него внебогослужебный элемент, что гово-

рит о постепенном изменении отношения к богослужению как к единому и неразрывному сакральному «действию», погружению в Священную историю.

Как уже говорилось, немало сделали «боголюбцы» и для книжной «справы». Парадоксальным образом именно ревность об «исправлении» говорит о идущем процессе обмирщения культуры. Сама проблема возникла с появлением книгопечатания, которое, в свою очередь, также является проявлением секуляризации. Печатный текст — не просто визуальный феномен. В отличие от текста рукописного, создаваемого переписчиком, вкладывающим душу в работу, осмысливающим каждое слово, печатный текст может пониматься просто как набор языковых знаков, сочетание букв в наборной кассе. Поэтому потенциально отстраненность читателя от его содержания максимальна [Маклюэн 2004: 187].

Проблема «исправления» усугублялась спецификой страны, связанной с историей ее литургической жизни. В Русской церкви за весь период ее истории несколько раз менялись богослужебные уставы. Если при Крещении Руси был принят так называемый «Устав Великой церкви Святой Софии Константинопольской», то с XI в. наряду с ним появляется Студийский монашеский устав, введенный прп. Феодосием в Киево-Печерском монастыре и распространившийся по другим обителям Руси и даже по приходским церквям. В XIV в. при митрополитах Киприане и Фотии в практику входит Иерусалимский устав, богослужебные тексты которого несколько отличаются от Студийских [Пентковский 2001]. Все эти литургические реформы не отменяли предыдущих нововведений. На них накладывалась региональная и местная специфика, связанная с особыми традициями, почитанием местночтимых святых. В результате к моменту появления книгопечатания фактически отсутствовал единообразный богослужебный текст, который бы подлежал тиражированию, что вело к бесконечными попыткам «исправлений», сосредоточенным на поиске «идеального» варианта письменного текста. В отсутствие единообразной богослужебной жизни это, конечно, было невозможным. Однако сосредоточенность на «исправлениях» в конце концов привела к тому, что письменный текст начал практически полностью отождествляться с богослужением, в котором он в действительности играет подчиненную роль. Именно в силу этого попытка патриарха Никона решить вопрос радикально, создав единообразный письменный текст богослужения, вызвала недовольство «боголюбцев».

Отождествление богослужебной книги и богослужения характерно было как для сторонников, так и для противников никоновской «справы». Кроме уже упоминавшейся челобитной священника Никиты Добрынина, подробный анализ изменений письменного текста содержится в сочинениях романо-борисоглебского священника Лазаря [1878], диакона Феодора [1666] и других авторов. Изменение письменного текста авторы оценивают как «бесчиние», неуважение к богослужению: «Нет ни единого псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака... ни же в канонах всякого стиха, чтобы в них наречие изменено не было... и передние стихи поставлены последи, а последние наперед...» [Суздальского ... 1878: 155].

Сторонники реформы, позиция которых отражена, прежде всего, в «Деяниях» Собора 1666–1667 гг., в основном при обосновании тех или иных изменений в богослужебных книгах апеллируют к греческим книгам (т. е. также письменным текстам) и «правилам святых Апостол и святых отец» [Деяния 1881], приведение

в соответствие с которыми богослужебных книг и является целью реформы. Таким образом, как для сторонников, так и для противников реформы именно «правильный» письменный текст является залогом правильной веры.

Вместе с тем старообрядцы, в отличие от реформаторов, все же сохраняли представление о целостности богослужения как синтеза различных невербальных и вербальных элементов и о том, что письменный текст в богослужебной практике предполагает произнесение вслух. Одним из ярких примеров различия подходов к письменному тексту является спор вокруг так называемой «молитвы духу лукавому», во введении которой реформаторов обвиняли старообрядцы.

В этой молитве — на освящение воды в чине Крещения — слова «... да не снидет со Крещаемым дух лукав» расширены никоновскими справщиками до «... да не снидет со Крещаемым, молимся Тебе, Господи, дух лукавый». Старообрядцы указывают на едва ли не еретический характер изменения в молитве, поскольку основываются на интонации ее произнесения, когда слово «Господи» невозможно выделить голосом. Достаточно показательно возражение иеромонаха Симеона Полоцкого, который даже не понимает, что имеют в виду оппоненты: «...Да приидут отроцы грамматическую, и да почудятся сему буесловцу, яко не весть сочинения... Подобает же сия словеса, Молимся тебе, Господи, во вместительных умствовати, а не относити Господи до духа: ибо не согласуют в падежи» [Симсон 1667: 43–44]. Как видим, Симеон апеллирует только к грамматическим нормам, а не к тому, как письменный текст будет звучать устно, вслух, тогда как старообрядцы делают упор на место данного текста в общей структуре чина Крещения и очевидную нелепость его звучания. В отличие от них, Симеон и справщики практически полностью «отстранены» от сакрального содержания текста, понимая его только как грамматически выверенную лексическую конструкцию, что и является критерием правильности. Такое осмысление ведет к отчуждению читателя от смысловой составляющей текста, в данном случае, по сути, к прогрессирующей десакрализации богослужения.

Как видим, такое отношение к тексту постепенно формируется задолго до раскола церкви, и его не чужды ни старообрядцы, ни реформаторы. Однако очевидно, что у старообрядцев процесс отстранения читателя от сакрального содержания шел намного медленнее. И хотя они вели полемику о письменных текстах, наряду с ней не менее жаркие споры велись о богослужебных действиях, прежде всего о крестном знамении и других вопросах. Позиция же реформаторов ярко иллюстрирует критически далеко зашедший процесс обмирщения, который и обусловил в дальнейшем многие проблемы в Русской церкви.

Литература

1. Аввакум. Книга обличений или Евангелие вечное // Памятники истории старообрядчества. М.; Л., 1927. Стб. 577–650
2. Авраамий. Христианоопасный щит веры // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Б.м.и г. Т. 7. 427 с.
3. Деяния Московского Собора 1666 г. О разных церковных исправлениях. М.: Б.и., 1881. 48 л.
4. Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси. XI–XII века Т. 2. СПб., 1999. С. 22–65.

5. Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 32–78.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
7. Пентковский А. М. Литургические реформы в истории Русской церкви и их характерные особенности // Журнал Московской патриархии. 2001. № 2. С. 72–80.
8. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. XI–XII века Т. 1. СПб., 1997. С. 62–315.
9. Романо-борисоглебского попа Лазаря роспись вкратце церковным раздорам, их же собора Никон Патриарх со Арсением чернцем от разных вер // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 4. С. 179–205.
10. Румянцева В.С. Кружок Стефана Вонифатьева // Общество и государство в феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 178–188.
11. Сазонова Н. И. «Шествие на осляти» в России XVI–XVII вв.: содержание и смысловые трансформации // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2015. Вып. 2 (4). С. 115–125.
12. Сазонова Н. И. Чин пещного действа и интерпретация священной истории в богослужебной практике Русской православной церкви XVI–XVII вв. // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2016. Вып. 2(8). С. 37–52
13. Симеон Полоцкий. Жезл правления, утверждения, наказания и казнения. Москва: Печ. двор, 10. II.–10.VI.1667. РГБ МК Кир. 2°50-6809721 154 лл.
14. Стоглав. Казань: Типография Губернского Правления, 1862. 454 с.
15. Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) царю Алексею Михайловичу челобитная на книгу Скрижаль и на новоисправленные церковные книги // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Б. и., 1878. Т. 4. С. 1–178.
16. Федор, диакон. Письмо, поданное Собору российских архипастырей на допросе 11 мая 1666 года // МДИР. Б. г. Т. 6. С. 1–21.
17. Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 424 с.